

ЗВЕРИ И ЛЮДИ

Детские спектакли, в которых поют и музицируют

Вадим Журавлев

АНИКУЛЫ закончились. Мимо напуганных зрителей музеев больше не проносятся смелые толпы учеников. Артисты детских театров могут уже не выходить на сцену по три раза на дню. Родители — не бегут от киоска к киоску в поисках волшебных билетов в дельфинарий, театры и цирки. Канкулярные проблемы забыты во тьме — заминие аникулы с испытанным жанром «новогодней елки» не оставляют места для родительской фантазии.

Понятно, что для слуха детей мы выбираем то, что выбрали бы для себя. Проще всего — слоны и обезьяны, они хотя бы не фальшивят и выполняют на сцене свои естественные, природные трюки. Качество «людских» спектаклей остается большой проблемой. Можно повести ребенка на «Шелкунчика» в Большой театр или на «Сказку о царь Салтане» в Музыкальный. Да и на любой другой музыкальный спектакль, который рассчитан на неотягощенное музыкальной подготовкой детское восприятие. Но что делать, если ребенок слишком мал для взрослого спектакля? Бывалый родитель посоветует вам тогда Детский музыкальный театр имени Соч.

Здесь в дни каникул и проведения композиторского фестиваля «Московская осень» показывают рекордное количество заказанных для театра произведений — аж шесть наименований. Это при

чтении. Жалко не детей, которые получают свою здоровую порцию эмоций просто от культурного шока (в фойе все детские радости — накладки носы, сладкая афта на палках, птички, рыбки), в их родителей. Их в детстве, видимо, тоже водили в этот театр — и вот что из этого получилось. Традиция — дело сильное: как считается всегда у нас театр Наталии Сац выдающимся достижением культуры, так и по сей день его стараются не трогать, не критиковать. Но сколько можно жить воспоминаниями о «Синей птице»? Может быть, когда-то в этом театре и творили истинное искусство. Но передать мастерство по наследству, видимо, невозможно.

Другая музыка, другие берега... Кукольный театр «Тень», который стал известен широкому зрителю после того, как его спектакль «Гастроли Большого Лиликанского балета в Москве» получил высшую театральную премию «Золотая маска». Крохотное помещение на Октябрьской улице, за Театром Армии, встречает домашним уютом и полноценными радостями. Для взрослых (в театр «Тень» все же взрослый театр, который могут посещать и дети) в фойе показывают видеозаписи любимых певцов, дети могут рисовать прямо на стенах, оклеенных бумагой (что они с удовольствием и делают) или исследовать огромную коллекцию игрушечных слонов.

Оперу в исполнении кукольной труппы мне пришлось впервые увидеть на гайдновском фести-

Ночи и Заростро — одно и то же. Для настоящего профессионала — это сложный трюк, требующий большого напряжения. Создатели спектакля не стремятся донести текст полностью: пропевавшая музыка оперы «всухую». Наталия Баранникова проявляет чудеса изобретательности, заменяя слова мелодиями или словесными вставками. Работает артистка на износ, сильнейшая вокальная нагрузка сопровождается сложными машинными и кукольными декорациями. Напряжению двух полу часовых актов могли бы позавидовать нормальные оперные театры с их сладко-слезливыми постановками «Иоланта». Милая необязательность музыкальных купюр не превращает спектакль в профанацию: залогом этого становятся и чистота интонации певца, и то, что хоть и такими, но первый взгляд необычным способом все идеи оперы открываются зрителям. Профессионализм соседствует с тонким юмором, здесь не просто «прививают» любовь к опере — здесь творят ее на глазах детей без тени напыщенности и «всамделишности», а главное — весь спектакль отталкивается от музыки, а не от амбиций режиссеров и театральным руководителям. Зрители чувствуют себя точно в идеальном оперном театре, который не стесняется пародировать собственные традиции (что стоит «зажигательная» ария Роберта — «Кто может сравниться с Матильдой моей», под которую кукол кружит с разбрасывающей снопы искр бентальской сночей в своих маленьких ручках!).

Нет смысла описывать куклы,

Наталия Баранникова в финале спектакля «Иоланта» (театр «Тень»). Фото Александра Сорина

том, что современные оперы и балеты в московских театрах крайне редки и по большей части неизвестны. Композитор Игорь Якушенко уже написал для этого театра оперу «Волшебник Изумрудного города», а на днях состоялась премьера его мюзикла «Царевна-лягушка».

Музыка Якушенко щедро замешана на советской песенной лирике (правда, времен молодости родителей нынешних зрителей театра) и фольклорных переработках в духе шандришкинских вариаций, она полна радостных широт струнных и, вполне естественно, квакающих засурдяченных медных. Музыкальная драматургия покоится на более основательном фундаменте русской классики: от Чайковского элита сцена отпоедает Онегина (текст при этом напоминает арию Еленского), от Глинки — страдания Елены Прекрасной в палатах Кашея, от Римского-Корсакова — военный поход царя. Последний и впрямь достоин подражания еще и потому, что написал «осеннюю сказочку» — «Каша Бессмертного» на тот же сюжет. Может, поэтому создатели спектакля решили переделать сказку, чтобы либретто уже ни у кого не вызвало желания сравнить Якушенко с Корсаковым.

Из удачных моментов спектакля в памяти остается комический дуэт невест (Антонина — Алла Хорошева, Степанида — Елена Пахомова), хотя заметно, что режиссер Виктор Грозов находится под большим впечатлением от знаменитой киноверсии сказки Александра Роу и просто заимствует из нее характерные позы и персонажей. Детские восторги не могут затмить взрослого впечатления: неуклюжий спектакль, больше похожий на нелепое упрямство, вместо намеков «сказочной лжи» полон неприкрытой фальши и поучающего, менторского тона. Фальшивит и музыкально, и актерски почти все участники спектакля. Сносно выглядит только оркестр под управлением Леопольда Гершковича: молодые музыканты играют слаженно и прилично. Все остальное, включая довольно-яркие декорации Марии Ленивитской и театральные трюки столетней давности (ползула за картинными курами артистка, которая должна заменить лягушку из пальца-маше), производит гнетущее впечатление.

тивалей в Айзенштадте. Там замечательные кукольные работы отдельно, а один из лидеров мирового авторизма Тренор Пиннок и его ансамбль озвучивали спектакль, не соприкасаясь с артистами. Каждый был занят своим делом, и действие это походило на концертное исполнение оперы Гайдна. «Иоланту» Чайковского в постановке Ирины Эпельбаум и Майи Кривоносовой из театра «Тень» принимается сразу и с большим восторгом уже потому, что движение кукол и музыка рождает один человек: все партии в опере от сопрано до баса поет профессиональная певица Наталия Баранникова. Она же открывает бархатный занавес настоящего театра, водит замечательных кукол, которые сами по себе привлекают внимание мастерством и оригинальностью исполнения, сказочной хрупкостью, которая невольно вызывает «прикус детства». Артистка становится не просто исполнительницей музыкальных партий — она поет и за оркестр, и за хор, и сольные выходы — она медуза, который постепенно погружает зал в чудесный транс.

Это только для непосвященно слушающего, который любит напевать оперные арии в душе, кажется, что спеть арию Цариты

декорации, постановку — их надо видеть. Свечной алтарь в арии короля Рене и достойную жаргонку в арии Эбел-Хаксин, ангелочков, кружащих под радостный детский смех вокруг колыбельки Иоланты, и ослепительный луч света в ее душе с Водомоном сандалеваются от том, что в этой «музыкальной шкатулке» понимают толк не только в «мире плотском», предметом, но и в «мире духовном».

В финале, когда артистка сама передолевает в костюме Иоланты, из-за сцены уже в зал слышат мужские голоса (финальная «Осания» Чайковского — наиболее достойный аутентичного произведения номер оперы), а куклы, посаженные в клетку, долго кружатся: грустно становится просто от того, что спектакль заканчивается. После представления родители бегут записываться на другие спектакли — театр ведь маленький и всех желающих вместить не может. Но именно такой театр, где к детям относятся как к взрослым, где с ними говорят на равных, где художники умеют общаться с растущим зрителем тонко, иронично, возвышенно, имеет право называться «детским». Это известно всем, но воплотить в жизнь эту мысль умеют немногие.